

Н.Д.ПРОСЕKOBA

Калининский госуниверситет

ПУШКИНСКИЕ НАЧАЛА В "ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА" И.С.ТУРГЕНЕВА

Непосредственный читательский опыт, опыт критика и литературная память Тургенева сфокусировались в его собственной художественной практике. Поэзия Пушкина становится неотъемлемой частью его духовной культуры, творческой манеры: "Типы и образы пушкинской поэзии явились для Тургенева привычной адекватной формой его собственных переживаний и раздумий. Свои идейно-художественные решения Тургенев постоянно и органично подкреплял мудростью пушкинских открытий, трансформировал их в соответствии с новым жизненным материалом. Цитаты из стихотворений Пушкина постоянно живут в сознании Тургенева"¹.

Преемственность пушкинских традиций проявляется у Тургенева прежде всего в общеэстетическом плане – в авторской позиции и способах ее выражения ("объективная манера" письма), принципах характерологии ("тайная психология"). Тургенева привлекала в Пушкине та "особенная смесь страсти и спокойствия, или, точнее говоря, та объективность его дарования, в котором субъективность его личности сказывается лишь одним внутренним жаром и огнем"². В зрелый период творчества, в частности в романистике, в раскрытии характера персонажей Тургенев придерживается пушкинского принципа "физического движения страстей". По мнению Тургенева, "поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представляет только самые явления – в их расцвете или увядании" (П, XI, 198–199).

Кроме того, Тургеневу импонировал принцип свободы творчества, который является одним из главных законов поэтики Пушкина и наиболее четко сформулирован в сонете "Поэту": "Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум..." Эта поэтическая формула Пушкина выступает во многих литературно-критических и художественных произведениях Тургенева как основа его собственного художественного кредо.

Наряду с общеэстетическим уровнем, влияние пушкинских мотивов и образов проявляется в творчестве Тургенева так-

же и на уровне прямого заимствования пушкинского художественного опыта — в форме прямых цитат, реминисценций, упоминания пушкинских произведений, имен героев, парафраз и литературных ассоциаций.

Пушкинское начало в творчестве Тургенева особенно очевидно в его повестях и романах. Однако в "Записках охотника" в соответствии с целями и задачами "натуральной школы" явно преобладают гоголевские традиции. Солидаризируясь с Белинским, Тургенев в статье "О современной русской литературе. Пушкин—Лермонтов—Гоголь" (1845) отдает пальму первенства Гоголю, утверждая, что "ныне Гоголь является во всей России самым популярным, самым влиятельным писателем", "он³ — первый вполне самобытный писатель в русской литературе". Но тем не менее было бы неверным не учитывать и влияния пушкинских традиций в "Записках охотника". Пушкин присутствовал в творческом сознании Тургенева всегда, с самых истоков его литературной деятельности, и доказательством этого является отклик Белинского на раннюю поэму Тургенева "Параша". Критик увидел в поэме органическое, творческое усвоение пушкинской традиции. "Многие, — пишет Белинский, — найдут в поэме следы подражания Пушкину и особенно Лермонтову: это неудивительно, ибо живая историческая последовательность литературных явлений всегда смешивается толпою с холодной бездушной подражательностью. Но люди мыслящие понимают, что быть под неизбежным влиянием великих мастеров русской литературы... и рабски подражать — совсем не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающегося, второе — бесталантности". А в поэме "столько жизни и поэзии, в созерцании... столько истины и верности, что тут всякая мысль о подражании нелепа"⁴. Сам Тургенев также называл себя учеником Пушкина с "младых ногтей" (С, ХУ, 115). И уже ранними своими произведениями, в том числе "Записками охотника", он пробуждал в читателях "чувства добрые". "Это были не какие-нибудь условные "добрые чувства", согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые, всем доступные общечеловеческие "добрые чувства", в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты", — писал Салтыков-Щедрин.

"Чувства добрые" в "Записках охотника" порождались лирическим началом, поэтической стихией, особой соразмерностью,

гармонией в способах организации материала, изображением природы и человека. Не претендуя на полный анализ всех форм творческого освоения Тургеневым художественного опыта Пушкина, остановимся на способах организации художественного материала (на использовании пушкинских сюжетных ситуаций), на типологической общности персонажей писателей, на использовании пушкинских цитат и попытаемся определить функционально-эстетическую значимость пушкинских реминисценций в структуре "Записок охотника".

Для Тургенева пушкинская поэзия являлась не только своеобразной формой эстетического освоения действительности, но и одним из способов выражения авторской позиции и установления творческих контактов с читателями, которые, как надеялся писатель, "умели читать между строчек недосказанное и недодуманное" им (П, III, 329). Так, пушкинские сюжетно-событийные ситуации творчески переосмыслиются Тургеневым и обретают новую жизнь в его рассказах.

Рассказ "Гамлет Шигровского уезда" пронизан "онегинскими" мотивами, которые выполняют важную функцию в воссоздании историко-культурного, бытового фона произведения. Так, в картине обеда в честь знатного сановника Тургенев использует чисто пушкинский прием, раскрывая социально-психологическую мотивированность поведения провинциального дворянства: "Шумный разговор превратился в мягкий приятный говор, подобный весеннему жужжанию пчел в родимых ульях. Одна неутомная оса — Лупихин и великолепный трутень — Козельский не понизили голоса... И вот вошла наконец матка — вошел сановник. Сердца понеслись к нему навстречу, сидящие туловища поднялись...", "через несколько минут, в течение которых сановник успел заметить два раза, что он очень рад, что не опоздал к обеду, все общество отправилось в столовую, тузами вперед", "после обеда все общество поднялось и двинулось в гостиную с большим, но все же приличным и словно на этот случай разрешенным шумом..." Как и автор "Евгения Онегина" (у Пушкина — "Толпа жужжит, э! стол садясь", "На миг умолкли разговоры; Уста жуют..."), "Никто не слушает, кричат, Смеются, спорят и пищат"), Тургенев уподобляет духовно ничтожных, невежественных людей жужжащему улью и рисует их как безликую массу, выражая посредством этого глубоко ироническое, даже язвительно насмешливое отношение к этим людям. Рассчитывая на житейский и литературный опыт читателя, Тургенев

избегает слишком подробного рассказа об обеде, так как "все это, вероятно, слишком известно читателю". Таким образом, обращение к пушкинской сюжетной ситуации позволяет автору при максимальной экономии художественных средств воссоздать довольно полно в читательском сознании атмосферу духовной жизни провинциального дворянства.

Помимо общности сюжетных ситуаций в этих произведениях прослеживается также и типологическая общность персонажей. В "Гамлете Щигровского уезда" воссоздан тот же тип барской усадьбы, уже знакомый читателю по описанию быта Лариных, но заметно сниженный Тургеневым: дом с "заглохшим садом и заросшим двором. Большая терраса вела из дому в сад, перед террасой красовалась продолговатая клумба, покрытая розами, на каждом конце клумбы росли две акации, еще в молодости переплетенные в виде винта покойным хозяином... С террасы стеклянная дверь вела в гостиную", где — "кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами, на столе ваза с свежими розами".

В образе отставной полковницы, на дочери которой женится Василий Васильевич, прозрачно угадывается тип помещицы, отличительные социально-психологические признаки которого воплощены в характере госпожи Лариной. Подобно пушкинской героине (которая "брила лбы", "служанок была осердясь"), полковница представляла собой на редкость "притеснительное и сварливое существо". Уподобление тургеневской барыни госпоже Лариной свидетельствует в данном случае о подлинности рассказа "Гамлет Щигровского уезда" к устоявшейся пушкинской традиции.

Образы дочерей полковницы также можно соотнести (правда, чисто внешне) с образами сестер Ларных. Тип Ольги — это Вера, которая "ничем не отличалась от обыкновенных уездных барышень", а Софья, "существо доброе, умное, молчаливое, с теплым сердцем", напоминает читателю Татьяну ("дика, печальна, молчалива"). И пушкинская, и тургеневская героини читают сентиментальные романы, однако, если о чтении Татьяны Лариной автор говорит в серьезном тоне, характеризуя ее как

цельную натуру, мечтающую о любви по выбору сердца и презирающую в душе окружающее ее общество, то у Тургенева читательские и музыкальные пристрастия Софьи, напротив, подчеркивают ее духовную общность с миром поместных дворян: "кислое" существование их передается скорее посредством голеевского приема характеристики персонажа через вещь. Подчеркнуто иронически, например, рисует автор обстановку спальни Веры и Софьи "с желтоватыми альбомцами, с бюстами Гете и Шиллера, немецкими книгами, высохшими венками и другими предметами, оставленными на память". Мертвые цветки венков, механическое наигрывание "какой-нибудь любимой, страстно задумчивой фразы из Бетховена" воспринимаются в рассказе как знак сентиментальности души тургеневской героини, как результат провинциального восприятия, которое убило в уездных барышнях истинное представление о жизни, ничего подлинного, настоящего в их существовании и радостях нет. Для Пушкина Татьяна — "милый идеал", внешняя и внутренняя сущность ее гармоничны. Авторское отношение к Софье, как мы убедились, было диаметрально противоположным. При внешней претенциозности на образование и духовность Софья, в сущности, представляла собой "доброе существо". Именно несовпадение внешнего и внутреннего облика Софьи послужило причиной ее семейной драмы, завершившейся гибелью героини. Сама затхлая атмосфера провинциального быта убивала в человеке все живое. Не случайно Василий Васильевич признается, что в комнату сестер он "ходил редко и неохотно", ему "там отчего-то дыхание сдавливало". Тургенев подчеркивает, что в герое нет внутренней готовности к настоящему чувству. В отличие от Онегина, который явил "души прямое благородство" и отверг любовь Татьяны, он принимает за любовь ее иллюзию: "Мне опять казалось, что я любил", — пытается уверить себя Василий Васильевич; "Софья мне более всего нравилась, когда я сидел к ней спиной или еще, пожалуй, когда я думал или более мечтал о ней, особенно вечером, на террасе". В рассказе Тургенева не только главный герой, но и Софья "заражены" общей болезнью века — мучительными муками от осознания своей собственной внутренней ничтожности, неспособности на поступки и даже на настоящую любовь.

Необходимо также сказать, что "тургеневские" лишние люди, несомненно, генетически преемственно связаны с образом Оне-

гина и представляют собой варианты найденного Пушкиным типа. В новых общественно-политических условиях Тургенев переосмысливает идейно-художественный облик пушкинского героя". Да и сам термин "лишний человек" в литературный обиход был введен Тургеневым в 1850 г. повестью "Дневник лишнего человека". Герой "Гамлета Шигровского уезда" ассоциируется одновременно с Онегиным и Гамлетом, изображенным "в суженной", т.е. подчеркнуто прозаической, провинциальной среде". В "Гамлете Шигровского уезда" мы сталкиваемся с примером сложного, опосредованного раскрытия смысла через соотношение его с художественной системой двух различных литературных произведений. Не касаясь темы Гамлета, обратимся к типологической общности характеров "лишнего человека" у Пушкина и Тургенева.

Онегин и Гамлет Шигровского уезда близки по своему духовному облику: оба образованны и значительно превосходят по своему уму окружающих людей, но ум их томится "в бездействии пустом", а сильно развитое самолюбие, переходящее в эгоизм, делает их неспособными к настоящему глубокому чувству. В жизнеописании героев Пушкина и Тургенева существует даже текстологическая переключка: оба героя пробуют писать, но "ничего не вышло из пера" Онегина, а по поводу "статейки", написанной со скуки Василием Васильевичем, "было сказано, что в уме" ему "невозможно отказать, но в таланте должно"; и тот и другой бегут от светского шума в деревню, но Онегин видит, "что и в деревне скука та же", и тургеневский Гамлет "в деревне скучал, как шенок взаперти". Тургенев, как и Пушкин, испытывает своего героя любовью: женитьба, в представлении тургеневского Гамлета, — "дело важное, пробный камень всего человека", и этого испытания герой Тургенева, как и Евгений Онегин, не выдерживает.

В раскрытии внутренней несостоятельности, неспособности Василия Васильевича к практическому делу Тургенев также прибегает к пушкинскому художественному приему — приему самохарактеристики и беспощадного саморазоблачения персонажа. Психологический рисунок Тургенева отличается большей аналитичностью и глубиной в плане изображения рефлексии героя. Самооценка тургеневского героя поражает особенно горечью и безысходностью. В отличие от Онегина, за которым Пушкин оставляет возможность нравственного возрождения в будущем, Гамлет Тургенева не питает никаких иллюзий относительно настоящего и будущего. Не щадя себя, он "раскрывает бесплод-

ность и бесцельность своей жизни, свой эгоизм, отсутствие положительных идеалов, отрыв от народной почвы"⁸. Поглощенный рефлексией, он оказывается неспособным ни жить, ни умереть. Если Онегин способен преодолеть скептическое отношение к жизни, духовную раздвоенность, разочарованность, то для тургеневского героя не существует ни субъективной, ни объективной возможности нравственного возрождения.

Тургеневская интерпретация "лишнего человека" имела целью не только "показать социальную бесплодность и даже вред сосредоточенности на себе рефлексии и скепсиса"⁹, того, что Тургенев называл "язвительной потехой самоуничтожения" (С, УШ, 177), но¹⁰ свидетельствовала о "снижении, вырождении типа в целом"¹⁰. По справедливому утверждению Н.Ф.Будановой, "в "темных сторонах" гамлетовской природы писатель... критиковал прежде всего недостатки, свойственные поколению "лишних людей" в России с их эгоизмом, усиленной рефлексией и неспособностью к активному общественному служению"¹¹. В новых исторических условиях, накануне реформы 1861 г., Тургенев отчетливо почувствовал, что дворянская интеллигенция исторически изжила себя и обратился к поискам новых героев — "сознательно-героических натур" (П, Ш, 368) в среде разночинцев-демократов.

Литературная преемственность между "Евгением Онегиным" и "Записками охотника" проявляется и в прямых формах заимствования пушкинского опыта: "явные" (Л.Жабицкая) и перефразированные цитаты используются в рассказах "Гамлет Шигровского уезда", "Смерть", "Татьяна Борисовна и ее племянник", "Два помещика".

Так, в "Гамлете Шигровского уезда" и в очерке "Смерть", повествуя о событиях прошлого, рассказчик цитирует Пушкина: "Этих господ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дела давно минувших дней, как видите)", "Я начал толковать ему о Гегеле (дела давно минувших дней, как изволите видеть)". В этих случаях, выражаясь словами Л.Жабицкой, "цитация приобретает характер образного обобщения"¹², превращаясь в поэтическую формулу, что подчеркивается самой конструкцией предложений и графическим оформлением их — выделением скобками.

В рассказе "Татьяна Борисовна и ее племянник" звучит строка из УП главы "Евгения Онегина": Петр Михайлович Бенев-

ленский, занимавший в Петербурге "важное" министерское кресло, "в одной из частных своих поездок по казенной надобности вспомнил о своей старинной знакомой и завернул к ней, с намерением отдохнуть дня два от забот служебных "на лоне сельской тишины". По утверждению Ж.Зельдгейм-Деак, как правило, когда строки даются в прозаическом контексте, "проза, окружающая эти цитаты, в большинстве случаев носит лирический характер"¹³. На первый взгляд пушкинская цитата в рассказе, действительно, используется Тургеневым для усиления лиризма повествования, но этим не исчерпывается ее функция. Включенная в систему тургеневского произведения, она приобретает к тому же важное композиционно-структурное значение. Пушкинская строка как бы разделяет рассказ на две части, разные по тональности, и становится своеобразной точкой отсчета в изображении двух разных персонажей. "Лонно сельской тишины" гармонирует с естественной, простой и тихой жизнью "необыкновенной" и "удивительной" помещицы Татьяны Борисовны, радужный дом которой открыт для любого человека, а мир "приторного" псевдоценителя искусства господина Беневоленского, человека духовно примитивного и претенциозного, напротив, совершенно противоречит гармонии "сельской тишины". Таким образом, пушкинская строка служит средством типизации в рассказе Тургенева и играет важную роль в раскрытии духовного облика его персонажей.

В первой части рассказа с добрым юмором повествуется о "жизнь-бытьи" Татьяны Борисовны, "весьма замечательной женщины", которая была "так мало заражена обыкновенными недугами мелкопоместной барыни": она "не сплетничает, не пишит, не приседает, не волнуется, не давится, не дрожит от любопытства", "любит покушать, но без излишества". Однообразно текут ее дни: "если нет у ней гостя, сидит... под окном и чулок вяжет зимой; летом в сад ходит, цветы сажает и поливает, с котятками играет по целым часам, голубей кормит". Беглыми, но выразительными штрихами Тургенев обрисовывает тип небогатой, хлебосольной русской помещицы, которая "в беде, в горе утешит, добрый совет подаст". Независимо от обстоятельств "у ней всегда в доме прекрасная погода" и в нем каждому человеку "хорошо, тепло". За ее "здравый смысл, твердость и свободу, горячее участие в чужих бедах

и радостях" рассказчик готов Татьяне Борисовне простить и то, что "хозяйством она мало занимается", и то, что "не читает". "Да и, правду сказать, книги не для нее печатаются", — замечает с добродушной иронией Тургенев. Пушкинская строка, завершающая рассказ о патриархальной, сельской жизни героини Тургенева, является поэтической скрепой между "Евгением Онегиным" и рассказом "Татьяна Борисовна и ее племянник" и свидетельствует о том, что быт и нравы обитателей поместных усадеб еще не утратили эстетической актуальности в конце 40-х гг.

По другую сторону пушкинской цитаты, во второй части рассказа, лиризм и юмор исчезают. В повествовании о господине Беневоленском уже преобладают язвительно-иронические ноты. Образ Беневоленского строится на несовпадении его видимого и сущего: "вообще приятный был человек", наделенный "сердцем... добрейшим", "плакал он и восторгался легко; сверх того, пылал бескорыстной страстью к искусству, и уж подлинно бескорыстной, потому что именно в искусстве г. Беневоленский, коли правду сказать, решительно ничего не смыслил". Так, образ его обрисовывается в сатирической тональности, объединяющей взаимно-исключающие начала. Идеальный портрет Беневоленского завершается авторской субъективно-оценочной характеристикой, в которой этот персонаж возводится в степень социального типа. Не случайно Тургенев пишет о Беневоленских уже во множественном числе, обращая внимание читателя на их распространенность: "Любовь к художеству и художникам придает этим людям приторность неизъяснимую; знаться с ними, разговаривать — мучительно: настоящие дубины, вымазанные медом", "наблюдать их можно на выставках перед иными произведениями иных российских живописцев. (Должно заметить, что по большей части все эти господа патриоты страшные.) То отступят они шага на два и закинут голову, то снова придвинутся к картине; глазки их покрываются маслянистою влагой.." Пушкинская цитата включена в авторское повествование, но в контексте рассказа возникает иллюзия принадлежности ее Беневоленскому. И образ Беневоленского, контрастный по сути образу Онегина, воспринимается в пародийном плане. Таким образом, пушкинская цитата выполняет двойную функцию — композиционно-структурную и характерологическую.

Иронического снижения образа помещика Хвальнского Тургенев достигает включением перефразированной пушкинской ци-

таты в описание внешности в рассказе "Два помещика": "Правда, некогда правильные и теперь еще приятные черты лица его немного изменились, щеки повисли, частые морщины лучеобразно расположились около глаз, иных зубов уже нет, как сказал Саади, по уверению Пушкина". В рассказе цитата используется в совершенно иной тональности. Перенесение этой цитаты из высокого, интонационно-образного строя пушкинского произведения в прозаический житейско-бытовой план и рождает комический эффект.

В очерке "Смерть" Тургенев снова перефразирует строки из "Евгения Онегина", рисуя картину вымерзшего леса: дубы и ясени, "засохшие, обнаженные, кое-где покрытые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей, которая сменила их, не заменив". Этим поэтическим приемом автор подчеркивает мысль о том, что дубовые леса действительно единственны в своем роде и потеря их невозполнима. Конкретно-реальный ряд повествования Тургенев усиливает сноской: дубовые леса "заменить... трудно: производительная сила земли видимо скудеет". Так, на внешне фабульном, предметном уровне, где речь идет о реальной картине умирающей природы, пушкинская цитата выполняет чисто повествовательную функцию.

Однако картина умирающих деревьев рождает в памяти рассказчика новую поэтическую ассоциацию: "Вспомнился мне Кольцов:

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
Где ж теперь
Твоя мочь зеленая?"

В повествовательном плане строки из стихотворения Кольцова "Лес", если учитывать только линейное развитие сюжета, усиливают его трагическую тональность. Однако, если учесть скрытый смысл стихотворения, посвященного памяти Пушкина, становится очевидно, что повествование в очерке "Смерть" строится по принципу концентрических кругов. Пушкинская цитата обогащается и углубляется стихами Кольцова, и вместе они создают глубокий художественный подтекст. Действуя по закону "художественного сцепления", цитаты придают очерку смысловую многослойность. За предметной оболочкой конкрет-

ной картины невосполнимой гибели уникального леса угадывается внутренняя идея невосполнимости утраты Пушкина как носителя высшей человеческой духовности. Посредством наложения одной цитаты на другую раскрывается глубинный философско-эстетический пласт очерка. В данном случае мы сталкиваемся с примером наиболее полного, творческого освоения Тургеневым предшествующего художественного опыта, когда цитаты из Пушкина и Кольцова приводятся не для подтверждения уже сформулированной авторской мысли, а участвуют в образном строе очерка Тургенева, значительно переосмыслиясь "в процессе создания нового текста"¹⁴. В итоге пушкинская и кольцовская цитаты, включенные в систему очерка, не только обогащают его, но и сами обретают дополнительный смысл.

На уровне следующего сюжетно-смыслового круга тема смерти приобретает еще более обобщенное философское звучание. Пушкин в представлении Тургенева был истинно русским человеком, "самая сущность, все свойства" поэзии которого "сопадают со свойствами, сущностью нашего народа" (С, XV, 70). Логика художественного подтекста ведет читателя к постижению скрытой мысли о том, что не только в жизни, в характере, но даже в самой смерти Пушкина отразилась сокровенная сущность русского народа. На основе этих сложных ассоциативных связей возникает философско-поэтический лейтмотив очерка: "Удивительно умирают русские люди", подтвержденный конкретными примерами описания смерти подрядчика Максима, бедного мужика, мельника Василия Дмитрича, студента Авенира Сорокоумова, старушки-помещицы, умирающих "холодно и просто". Как тонко замечает П.В. Анненков, "Тургенев принадлежит к тому отделу писателей, которые не лишены преднамеренной цели, но мысль которых всегда скрыта в недрах произведения и развивается вместе с ним, как красная нитка, пущенная в ткань"¹⁵.

Таким образом, не только в повестях и романах, но и в "Записках охотника", написанных в традициях "натуральной школы", наряду с гоголевским отчетливо ощущается и пушкинское начало. В конце 40-х – начале 50-х гг. "с учетом новых социально-эстетических потребностей Тургенев отказывается от прежнего безапелляционного мнения о превосходстве Гоголя над Пушкиным"¹⁶ и приходит к выводу, что "оба влияния... необходимы в нашей литературе" (П, П, 308).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Курляндская Г.Б. И.С.Тургенев и русская литература. М., 1980. С.12.
- 2 Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 28 т. М.; Л., 1968. Т.15. С.71 (далее ссылки даны в тексте с указанием сочинений (С), писем (П), тома и страниц).
- 3 Литературное наследство: Из парижского архива И.С.Тургенева. М., 1964. Т.73, кн.1. С.284.
- 4 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений; В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 78-79.
- 5 Салтыков-Щедрин М.Е. И.С.Тургенев // М.Е.Салтыков-Щедрин. Литературная критика. М., 1982. С.300.
- 6 Курляндская Г.Б. Указ. соч. С.26.
- 7 Зельдхейн-Деак Ж. К проблеме реминисценций в "малой" прозе И.С.Тургенева // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С.107.
- 8 Левин Ю.Д. Русский гамлетизм // От романтизма к реализму, Л., 1978. С.214.
- 9 Там же. С.218.
- 10 Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С.26.
- 11 Там же. С.28.
- 12 Жабилкая Л.Г. Чтение служит таланту // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной литературы. Калинин, 1984. С.20.
- 13 Зельдхейн-Деак Ж. Указ. соч. С.102.
- 14 См. подробнее об этом: Жабилкая Л.Г. Указ. соч. С.20.
- 15 Анненков П.В. О мысли в произведениях изданной словесности // Русская эстетика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. С. 326 .
- 16 Кедрова М.М. И.С.Тургенев, Роль читательской памяти в творчестве писателя. Калинин, 1988. С. 19.

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР
Калининский государственный университет

ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ,
ТЕКСТОЛОГИИ , ВОСПРИЯТИЯ

Сборник научных трудов

Калинин 1989